

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО И ЗАБЫТОГО

Василий ШУКШИН

С думой о Разине

«Думу свою донести людям» — эти слова В. М. Шукшина назван альбом из двух пластинок, выпускаемый фирмой «Мелодия» (авторы сценария и режиссеры М. Айзенберг и М. Волоцкий, редактор Н. Кислова). На пластинках вместе с голосами тех, кто близко знал Василия Макаровича, прозвучит голос и самого писателя. Фрагмент звукозаписи, с которым знакомит сегодня читателей «Литературная Россия», связан с историей неосуществленного фильма «Степан Разин». Незадолго до предполагавшихся съемок, в 1974 году, Шукшин дал последнее московское интервью. Мы публикуем его в юбилейном номере газеты, одним из самых активных авторов которой был В. М. Шукшин. Сопровождает эту публикацию статья критика Л. Аннинского, посвятившего замечательному писателю, режиссеру, артисту ряд исследований. Эта статья будет воспроизведена на обложке альбома, который выйдет в свет в нынешнем году.

Корреспондент: Если можно, ваши планы ближайшие, хотя, конечно, это очень трудно, спрашивать у писателя, какие у него планы. Я знаю, например, о вашем новом фильме. Я имею в виду «Степана Разина».

Шукшин: Теперь я думаю, что где-то по осени выйду в запуск фильма о Степане Разине. Я давно к этому иду, примерно шесть лет.

Почему мне хочется сделать этот фильм? Не разъезжается ли он с постоянной моей тематикой? Я думаю, что нет, потому что Степан Разин — это тоже крестьянство, но только триста лет назад. Почему эта фигура казачьего атамана выросла в большую историческую фигуру? Потому что он своей силой и своей неуемностью, своей жалостью даже — воткнулся в крестьянскую боль. Вот это обстоятельство. Были до него удачливые атаманы, после него удачливые атаманы были такие же яркие... Это была среда, которая выдвигала, выдавала из себя действительно по-настоящему одаренных людей, воинов и разбойников...

Но почему же один так прочно пойман народной памятью? Потому что он неким образом ответил вот той крестьянской боли. На Руси тогда начиналось закрепощение крестьянства. Оно разбегалось, оно

искало заступников, оно оборонялось всячески от боярства, которое шло по переднему плану, и от закабаления. И когда появился такой вождь и мститель — конечно, он собрал громаду людей. И оттого, что он сложил голову за это дело, он вошел прочно в историю и особенно в крестьянскую память... Отсюда, так сказать, он у меня и появился как яркий, неповторимо яркий, сильный, волевой, могучий заступник крестьянства. Он казак, это немножко обособленное сословие русского народа, но для меня он прежде всего крестьянский заступник, для меня, так сказать, позднейшего крестьянина, через триста лет. Для того, чтобы мне его понять в зачатке, я его воспринимаю в одном качестве: это казак, это ремесленник от войны, это, неким образом, не крестьянин...

Но дороже всего мне этот человек именно как человек, искавший волю... Замкнувший крестьянскую боль и чаяния. Вот отсюда — продолжение темы, а во времени — отскок на триста лет назад в историю. Но это все то же крестьянство. Я так думаю, что я просто-напросто не сумею много рассказать, проживи я даже три жизни. Очень у нас это все... запутанно, потому что... слишком крут перелом, поворот в истории общественной форма-

ции, общественной психологии, особенно в среде крестьянства. А если еще помнить, что в двадцатые годы в нашей стране было, наверное, восемьдесят процентов крестьян, подавляющее большинство, то есть можно говорить о народе, почти о народе... Ну, несколько вычленив специфику крестьянской жизни...

Таким образом, когда нынешние критики говорят: «деревенский писатель», они не совсем правы в том плане, в котором наклейкой, этикеткой своей немножко обуживают смысл самого этого явления. Мне нравятся так называемые деревенские писатели... Мне они представляются очень честными людьми. И они не случайно пришли. Я ничуть не отказываю в каких-то ценностях другим писателям... городским, положим. Но у меня язык не поворачивается обозвать их просто «городскими», я их этим обижая.

Корреспондент: Как вы думаете, когда может начаться и закончиться этот фильм о Степане Разине?

Шукшин: Я думаю, он начнется осенью этого года, 74-го, а закончится где-нибудь в конце 76-го.

Корреспондент: Сценарий ваш?

Шукшин: Да, сценарий мой.

Корреспондент: И вы будете режиссером и актером?

Шукшин: Режиссер — я, а вот актер — не знаю. Я поищу актера, я пока не знаю...

Корреспондент: Однако вам самому хотелось бы сыграть Разина?

Шукшин: Да, да! Наверное, так и будет, но я не откажу себе в поиске. У нас очень провинции богаты актерами...

Л. АННИНСКИЙ

И ПАМЯТЬ — ПО ТРУДУ

Он шутил: если сравнить мою жизнь с тремя боксерскими раундами, то два из них я проиграл, а третий... посмотрим!

Можно понять, что именно разумел Шукшин под двумя раундами своей жизни и почему думал, что проиграл их.

Он прожил на свете сорок пять лет: тридцать лет проходил жизненные университеты и пятнадцать лет — университеты профессиональной литературы и искусства. Можно сказать так: тридцать лет горбом приобретал опыт и пятнадцать — старался передать его людям. Первый раунд: сиротство и нужда военных лет, потеря отца, потеря отчима, голодная алтайская деревня, уход из дому, долгие скитания по России, тяжелый труд, бездомье, мучительный путь к листу бумаги, к объективу киноаппарата, да просто к порогу института — и все это опыт, опыт, опыт. И второй раунд нелегок: проживание сквозь дебри профессиональной премудрости, сквозь пласты учебных программ, осваиваемых с запозданием, сквозь частоток редакторских требований в литературе и кино, наконец, сквозь бои критики — мучительный поиск себя в искусстве, мучительный поиск себя в слове.

Он сделал пять фильмов, выпустил семь книг и сыграл два десятка ролей. Этого оказалось достаточно, чтобы войти в историю русской культуры, но он не знал этого. Он знал одно: труд. Труден был путь к точности его рассказов, к достоверности ролей, к правде фильмов. Шукшин мог увидеть начало всенародного триумфа своего последнего фильма, но он этого слово бы и не почувствовал: до последней секунды был в напряжении работы и в готовности к критической «драке». Поэтому он думал, что проиграл и второй раунд.

Он умер в самом начале третьего.

Этот третий раунд он выиграл. Уже после смерти. Без него вышли и стали всенародным

чтением обширные собрания его сочинений: рассказы и романы, очерки и статьи, сценарии и пьесы. И фильмы его, пройдя через миллионы зрительских сердец, неотменимо встали в первейший ряд советской кинематографической классики. И все написанное им, все отснятое, сыгранное, сказанное, обреченное, даже вскользь замеченное — все теперь любовно собирается людьми. Потому что Шукшин — не просто целый мир (в принципе каждый человек — целый мир); Шукшин — часть нашей жизни, что-то важное, ключевое, что-то разрешающее.

Что же? Что открыл во всех нас этот скулый алтайский парень, прошедший страну насквозь от села Сроетки до столицы и от полаты разнорабочего до писательского пера, до режиссерского рупора, и до такой актерской славы, когда миллионы людей знали его в лицо, хотя это лицо все еще сохраняло черты лесоруба?

Он открыл новый человеческий тип. Новый психологический вариант русского человека. Он его описал, сыграл, он его показал на экране во всей душевной глубине и во всей остроте житейских обстоятельств. Это человек, только что перебравшийся из села в город, вселившийся в один из маленьких городков, выросших в годы, когда переиздавалась Россия середины своей от деревни к городу. Шукшин — знаток поселка, знаток проселка, знаток людей поселка и проселка. Его герой — полукрестьянин, полугорожанин, человек сложной, подвижной, сдвинувшейся, неустоявшейся заново душевной организации, он остро сопоставляет вчерашнее и сегодняшнее, дедовское и современное, правое и неправое. Шукшин не просто описывал, играл и показывал шоферов, трактористов-сезонников, продавцов, почтальонов и пассажиров, он исследовал психологическую толщу России: людей, сдвинувшихся

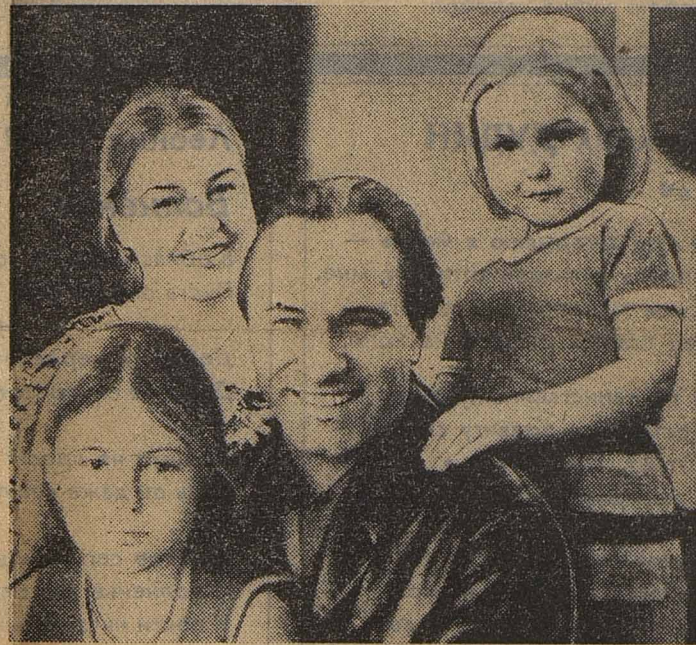
с места и недоверчиво вслушивающихся в себя.

Шукшин открыл новый духовный конфликт. Психологическая неуравновешенность, агрессивная задиристость, чудаковатость его героев — преломление высшего нравственного счета, который они предъявляют реальности. Излюбленный шукшинский тип — «чудик» — мало похож на того поэтического чудака, мечтателя не от мира сего, которого мы традиционно знаем по русской классике. Шукшинский «чудик» не витает над землей, он ходит по реальной земле, он связан, втянут, впряжен в повседневный быт и труд, он освободиться не может. Он хочет... чего-то еще. Он далек от душевного смирения, присущего традиционным русским «чудакам» и «блаженным». Шукшинский «чудик» — это бунтарь, неистовый и нерасчетливый, почти безумный от своего неумения примириться с обыденщиной духа, от своей жгучей жажды того внутреннего раскрепощения, которое он называет «волей». В этом он наследник Стеньки Разина, недаром из русской народной памяти Шукшин выбрал именно этого казачьего вождя и воителя, и всю жизнь писал его образ, и сыграть хотел, и фильм о нем выносил, да только снять не успел.

И в Разине Шукшин видел свое: горячую, неукротимую жажду немедленной полной справедливости, неистовый бунт против всего, в чем эта немедленная справедливость не реализуется сразу и сполна.

Это чисто шукшинский вариант духовной драмы: с одной стороны — развоплощенность идеала, исчезновение его в потоке сдвинувшейся, потерявшей «укладность», расшатавшейся «вековой» реальности; с другой стороны — сжигающая человека жажда идеала, без которого он жить не в состоянии.

Эта яростная жажда, эта неутоленная боль о высоком объ-

Василий Макарович ШУКШИН с женой Лидией Николаевной и дочерьми Машей и Олей. Февраль 1973 года.

Фото В. ШАГОВА

ясняет не только характеры шукшинских героев, мыкающих в реальности и «соколами» взлетающих над нею, — а именно таковы у него и веселые сельские жители, беседующие «при ясной луне», и новоиспеченные горожане, «зубатые» с обидчиками, и счастливый Бронька Пупков, и несчастный Егор Прокудин. Яростная жажда высшего смысла, последнего смысла — она у Шукшина объясняет все, всю стилистику, весь пафос; этой жадой пронизаны у него все тексты и роли, до последнего словечка, все высказывания, до любого вскользь брошенного словца, бережно реставрируемого теперь слышавшими его людьми.

Поэтому и вспоминают люди о Шукшине, потому и собирают, сводят вместе все, что хоть как-то помогает сохранить его живое дыхание, что не только профессиональная работа, но вся жизнь его была освещена единым, всежигающим огнем, и огонь этот помогает и нам всем яснее увидеть то, «что с нами происходит».

В записях рассказов о Шукшине сохранено и передано его живое присутствие, след живого общения с ним. В записях его

интервью можно уловить жизнь его голоса: сомнения и колебания, готовность резануть правду и боязнь причинить другим людям боль. В паузах и повторах, в поисках слова, в самой интонации беседы можно уловить то, что остается «за кадром» в фильмах Шукшина и за «краем листа» в его текстах, — биение мысли и голоса вровень с сердцем.

Вот он говорит:
— В душе должны остаться те силы (Пауза... Ищет слово)... которые не позволяют... (Опять пауза. Опять ищет слово, которое бы не обидело земляков)... Ну... этим людям, уехавшим вчера из деревни, — сегодня пополнил ряды городских обывателей, а это отчасти происходит, и это очень жаль... (Спешит, а вновь остановился. Думает. Справедлив ли? Но с новой силой, словно самого себя убедив до конца, упрямо повторяет — со вздохом.) Очень жаль.

Вот этот вздох и есть самое ценное. Ради него и стоит вслушаться в жизнь голоса.

«Думу свою донести людям» — огромный труд. На этом сердца разрываются. Но и память — по труду.